

Анатолий Шигапов

САД

**Анатолий Шигапов**  
**САД**  
Серия «САД», книга 4

*<https://litres.ru/74468767>*

*SelfPub; 2026*

**Аннотация**

Рай - это клетка. Смерть - это жизнь. А САД - это всё.

Лири вошла в Лабиринт как одна из тридцати.

САД - это не просто место. Это аббревиатура. С + АД. Что-то плюс ад. Что-то, что делает ад - раем. Что-то, что делает смерть - жизнью. Что-то, что делает ужас - красотой. Что-то, что делает тьму - светом. Что-то, что делает всё САДом.

Эта книга - о трансформации. О том, как жертва становится охотником. Как пустота становится силой. Как смерть становится жизнью. Как из боли рождается решимость.

Лири выжила. И теперь она знает, что делать. Она вернёт их. Всех. Каждого.

# Анатолий Шигапов

## САД

Дорогой читатель,

Если ты держишь в руках эту книгу - значит, ты прошёл путь вместе с Лирой. Три книги. Три двери. Три жизни, которые закончились и начались заново. И теперь - четвёртая.

Эта книга - не о смерти. Хотя смерть здесь на каждой странице. Не о жестокости. Хотя жестокость здесь - воздух, которым дышат герои. Не о боли. Хотя боль здесь - единственное, что остаётся реальным.

Эта книга - о том, что остаётся, когда всё остальное сгорает.

САД. Это место. Этот рай. Это самое прекрасное место на свете, где творятся самые ужасные вещи.

САД - это не просто локация. Это метафора. Это то, что мы все видим каждый день. Красивые фасады. Светлые улыбки. Прекрасные слова. И - смерть за ними. Смерть, которую мы не замечаем. Смерть, которую мы не хотим замечать. Смерть, которую мы - создаём.

Я не хотел, чтобы САД был просто «мрачным местом». Мрачных мест много. Я хотел, чтобы он был раем. Настоящим. Живым. Чтобы читатель, вместе с Лирой, на мгновение забыл, где находится. Чтобы поверил в красоту. Чтобы расслабился. А потом - чтобы его ударили. Резко. Неожиданно.

Среди цветов. Среди фонтанов. Среди статуй ангелов, которые улыбаются.

Потому что именно так это и работает. Именно так зло и приходит. Не в тёмном переулке. Не в грязном подвале. А в самом прекрасном месте. В самом светлом дне. В самой тёплой улыбке.

Эта книга - четвёртая. Но она - первая из последних. Потому что впереди - пятая. Та, где всё - закончится. Или - начнётся.

Но это - потом. Сейчас - эта книга. О том, как она выжила. О том, как она потеряла. О том, как она стала той, кто выживает. О том, как она прошла через рай. Через ад. Через смерть. И - вышла.

Я хочу сказать спасибо тебе. За то, что ты читаешь. За то, что ты идёшь рядом. За то, что ты не бросаешь её. Одну. В темноте. В САДу..

Она - не одна. Потому что ты - с ней. Потому что я - с ней. Потому что все мы - с ней. Все, кто читал. Все, кто писал. Все, кто - верил.

Это - не просто книга. Это - обещание. Обещание, что даже в самом прекрасном аду. Даже в самой страшной смерти. Даже в самой глубокой тьме. Есть что-то. Что-то, что стоит жить. Что-то, что стоит бороться. Что-то, что стоит - выживать.

Это - они. Те, кого она отпустила. Те, кого она сохранила. Те, кто ждал. Это - Мира. Это - Михель. Это - все. Это - ты.

Читай медленно. Читай внимательно. Не пропускай детали. Потому что в этой книге нет ничего случайного. Каждая царапина на стене. Каждое имя на двери. Каждая улыбка ангела. Каждая капля крови на траве. Всё - важно. Всё - связано. Всё - часть одного целого.

И когда ты дойдёшь до последней страницы. Когда ты закроешь книгу. Когда ты отложишь её в сторону. Я хочу, чтобы ты на мгновение - всего на мгновение - задумался. О том, что ты только что прочитал. О том, что ты только что пережил. О том, что ты только что - почувствовал.

А потом - открой первую страницу снова. Потому что во второй раз ты увидишь то, что не увидел в первый. Во второй раз ты поймёшь то, что не понял. Во второй раз ты - узнаешь.

*Анатолий Шигапов*

## КНИГА 4: «САД»

### ГЛАВА 1: ДВЕРЬ

Дверь закрылась.

Звук был глухим, тяжёлым, окончательным - металл коснулся металла, и мир за спиной перестал существовать. Не просто звук. Приговор. Начало. Конец всего, что было раньше, и начало всего, что будет теперь.

Лира стояла неподвижно. Вибрация от закрывшейся двери проходила сквозь камень под ногами, поднималась по костям, достигала сердца. Там, в самой глубине груди, отозва-

лась чем-то, что не имело названия. Не страх. Не боль. Не отчаяние. Что-то более древнее, более первобытное - то самое чувство, которое живёт в каждой клетке тела, когда понимаешь: назад дороги нет.

Темнота обрушилась, как вода. Густая. Непроницаемая. Живая. Заполнила каждую пору, проникла в лёгкие, осела на языке, залила глаза. Лира моргнула. Потом ещё раз. Темнота не рассеивалась. Не отступала. Не давала ни малейшей надежды на то, что глаза смогут к ней привыкнуть. Абсолютная. Вечная. Такая же, как в шкафу - когда рука с жёлтыми ногтями сжимала дверцу, когда приходилось сидеть скорчившись, боясь дышать, боясь шевельнуться, боясь, что одно движение - и её найдут.

Но тогда, в том шкафу, была надежда. Тогда верилось, что мать придёт. Тогда верилось, что всё закончится. Тогда ещё не зналось, что такое настоящая тьма. Теперь - зналось. Теперь понималось: тьма - это не отсутствие света. Тьма - это присутствие чего-то другого. Того, что живёт в пустоте, дышит в тишине, ждёт в темноте. Того, что не имеет имени, но чувствуется каждой клеткой тела.

Лира стояла и слушала. Так, как учил Маркус. Не ушами - всем телом. Кожей, покрывшейся мурашками. Волосами, вставшими дыбом на затылке. Костями, которые, казалось, вибрировали от напряжения. И темнота отвечала. Не была безмолвной. Была полна звуков - тихих, едва различимых, но реальных. Где-то далеко капала вода - медленно, ритмично,

как метроном, как отсчёт времени, которое неумолимо движется вперёд. Металл скрежетал о камень - глухо, протяжно, как будто стены двигались, перестраивались, жили своей собственной жизнью. Ветер - холодный, влажный, пахнущий сыростью и чем-то ещё, чем-то сладковатым и приторным, от чего сжималось горло, - гулял по коридорам, завывал в щелях, шептал что-то на языке, которого не понималось, но который заставлял сердце биться быстрее.

Рука поднялась сама. Коснулась стены. Камень - холодный, шершавый, покрытый тонким слоем влаги. Пальцы скользнули по поверхности и наткнулись на что-то - тонкие, извилистые линии, выцарапанные в камне. Неровные. Рваные. Глубокие. Как будто кто-то - отчаявшийся, испуганный, потерявший надежду - пытался оставить след. Пытался сказать что-то тем, кто придёт после. Пытался предупредить. Пытался попрощаться.

Пальцы двинулись дальше. Другие царапины. И ещё. И ещё. Стена была испещрена ими - сотнями, тысячами тонких линий, которые пересекались, переплетались, образовывали узоры, которые невозможно было прочесть, но которые невозможно было не почувствовать. Каждая царапина - жизнь. Каждая линия - история. Каждый след - кто-то, кто стоял здесь, в этой темноте, касался этой стены, оставлял эту отметку - и уходил. Уходил в темноту. Уходил в неизвестность. Уходил туда, откуда не возвращаются.

Рука отнялась от стены. На пальцах осталась влага - хо-

лодная, липкая. Вытерлись о рубашку. Шаг вперёд. Потом ещё один. Потом ещё. Шаги бесшумные - этому научили годы тренировок, этому учил Маркус, этому учила себя сама. Пятка касалась пола первой, затем плавно перекатывалась на носок. Мышцы ног напряжены ровно настолько, чтобы сохранять равновесие, но не создавать лишнего звука. Дыхание - медленное, глубокое, через нос. Воздух входил в лёгкие прохладный, влажный, с привкусом металла и соли.

Куда идти - не зналось. Где выход - не зналось. Что ждёт впереди - не зналось. Зналось одно: нужно идти. Двигаться. Продолжать. Потому что остановка - смерть. А умирать не собиралась. Не сейчас. Не здесь. Не так.

Стены двигались. Вибрация в полу то усиливалась, то затихала - как пульс живого существа. Скрежет металла о камень раздавался то справа, то слева, то где-то впереди. Лабиринт жил своей жизнью. Дышал. Перестраивался. Закрывал одни проходы и открывал другие. Был разумным - или, по крайней мере, управлялся чем-то разумным, чем-то, что знало, что делает, чем-то, что хотело, чтобы они - все эти тридцать детей, которые вошли сюда - никогда не нашли выход. Лира чувствовала это. Чувствовала, как стены смыкаются за спиной, как коридоры сужаются, как воздух становится гуще, тяжелее, как будто сам Лабиринт пытается раздавить, остановить, уничтожить.

Но шаги продолжались. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно. Слушая. Чувствуя. Ожидая.

И ожидание не было напрасным.

Шаги. Услышались внезапно - резко, отчётливо, как будто кто-то включил звук в мире, который до этого был безмолвным. Тяжёлые. Панические. Быстрые. Кто-то бежал. Бежал сюда. Бежал по коридору, который вёл прямо к тому месту, где стояла Лира.

Тело замерло. Напряглось - каждая мышца, каждый нерв, каждая клетка. Руки поднялись - медленно, плавно, как учил Маркус. Ладони раскрыты. Пальцы расслаблены. Готовы. Готовы коснуться. Готовы забрать. Готовы убить. Отступление в сторону - бесшумно, как тень, как призрак, как что-то, что не имеет формы, что не существует, что нельзя увидеть. Прижатие к стене. Слияние с темнотой. Стать частью Лабиринта. Стать никем. Стать ничем. Ждать.

Шаги приближались. Становились громче. Быстрее. Отчаяннее. Слышалось дыхание - прерывистое, хриплое, как у загнанного зверя. Слышалось, как кто-то спотыкается, падает, встаёт, бежит дальше. Слышался шорох одежды, скрежет ногтей по камню, когда он пытался удержаться за стену. Слышался страх. Настоящий, животный, первобытный страх, который нельзя подделать, который нельзя скрыть, который пропитывает каждый звук, каждое движение, каждый вздох. И потом - он появился.

Мальчик. Выбежал из темноты прямо на неё - маленький, худой, с растрёпанными волосами, которые прилипли ко лбу от пота. Не видел. Темнота была слишком густой, слишком

плотной, слишком непроницаемой. Просто бежал - отчаянно, слепо, не разбирая дороги, спотыкаясь о камни, которые устилали пол. Руки вытянуты вперёд, пальцы растопырены, как будто пытался нащупать путь, как будто пытался найти что-то, за что можно ухватиться. Лицо искажено страхом - глаза широко раскрыты, рот приоткрыт, из горла вырывались хриплые, сдавленные звуки, которые не были словами, которые были просто выражением ужаса, который не помещался в маленькое тело. Пробежал мимо. Прямо мимо. В нескольких дюймах от того места, где стояла Лира, прижавшись к стене, слившись с темнотой, став невидимой. Не заметил. Не почувствовал. Не понял, что смерть стоит рядом, что смерть смотрит, что смерть ждёт.

Лира не двинулась. Не коснулась. Не забрала жизнь. Просто стояла и смотрела, как он исчезает в темноте - как силуэт растворяется в черноте, как шаги затихают вдаль, как дыхание становится всё тише, всё дальше, всё слабее. И потом - крик. Громкий. Резкий. Пронзительный. Крик, который разрезал тишину, как нож, как лезвие, как что-то, что не должно существовать в этом мире. Крик, в котором было всё - боль, страх, отчаяние, понимание того, что конец пришёл, что надежды больше нет, что смерть неизбежна. И потом - удар. Глухой. Тяжёлый. Как будто что-то тяжёлое упало на камень. Как будто тело ударилось о пол. Как будто жизнь закончилась. И потом - тишина. Глубокая. Абсолютная. Мёртвая.

Лира стояла неподвижно. Слушала тишину. Чувствовала,

как что-то внутри - что-то, что не имело названия, что-то, что жило в самой глубине существа - реагирует на эту тишину. Не страх. Не боль. Не жалость. Что-то другое. Что-то холодное. Что-то пустое. Что-то, что говорило: «Ты могла бы умереть. Но ты не умерла. Ты жива. Ты всё ещё жива. И это - единственное, что имеет значение».

Кто этот мальчик - не зналось. Имя - не зналось. Откуда пришёл и куда бежал - не зналось. Но зналось: он мёртв. Зналось: кто-то - кто-то другой, кто-то, кто был быстрее, кто-то, кто был хитрее, кто-то, кто был безжалостнее, - убил его. И зналось: если бы она двинулась, если бы коснулась, если бы забрала жизнь - была бы на его месте. Или, может быть, нет. Может быть, была бы сильнее. Может быть, была бы жива. Но это не имело значения. Имело значение только то, что стояла здесь. Что была жива. Что продолжала идти.

Шаг вперёд. Потом ещё один. Потом ещё. Позади осталось место, где стояла. Позади остался крик, который всё ещё звучал в ушах. Позади остался мальчик, которого не зналось, но чья смерть стала частью - как и все остальные смерти, которые виделись, которые чувствовались, которые неслись в себе. Шаги продолжались. В темноту. В неизвестность. В Лабиринт, который дышал вокруг, который жил своей жизнью, который ждал, когда будет сделана ошибка. Но ошибка не планировалась. Планировалось выжить. Планировалось пройти через это. Планировалось найти выход. И планировалось сделать это в одиночку - потому что так было нужно,

потому что так было правильно, потому что так было единственным способом, который остался.

Коридор изгибался. Стены двигались. Металл скрежетал. Вода капала. Ветер завывал. Шаги продолжались. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно. Лира была тенью. Была призраком. Была той, кого нет. Была никем. И в этом - в этом отсутствии, в этой пустоте, в этом ничто - была сила. Не существовалось для Лабиринта. Не существовалось для тех, кто охотился в темноте. Не существовалось ни для кого, кроме себя. И этого было достаточно. Этого было более чем достаточно. Потому что единственное, что имело значение - выжить. Всё остальное было ложью. Всё остальное было иллюзией. Всё остальное было просто словами, которые ничего не значили в темноте.

Шла уже долго. Сколько - не зналось. Время в Лабиринте текло иначе - не как песок сквозь пальцы, а как смола, густая и тягучая, которая замедляла каждое движение, каждый вдох, каждую мысль. Может быть, час. Может быть, два. Может быть, целая вечность. Счёт поворотам потерялся. Коридоры, которые миновались, стены, которых касались - всё слилось в одно. Каждый шаг был таким же, как предыдущий. Каждый поворот вёл в такой же коридор. Каждый коридор был таким же тёмным, таким же влажным, таким же холодным. Лабиринт был бесконечным. Лабиринт был вечным. Лабиринт не имел ни начала, ни конца. Но выбора не было. Нужно было идти. Двигаться. Продолжать. Потому что

остановка означала смерть. А умирать не собиралась.

Голоса. Слышались отовсюду и ниоткуда. Из стен, из пола, из потолка. Из темноты, которая окружала со всех сторон, которая была живой, которая дышала, которая говорила. Голоса были разными - мужские и женские, взрослые и детские, знакомые и незнакомые. Шептали, кричали, плакали, смеялись. Говорили на разных языках, но понимались все - не словами, а чувствами, не разумом, а сердцем. Рассказывали истории. Истории о боли. О страхе. О смерти. О том, что ждёт тех, кто входит в Лабиринт. О том, что ждёт тех, кто не выходит. О том, что ждёт всех - рано или поздно, так или иначе.

«...он не вернулся...»

«...она кричала, но никто не пришёл...»

«...я не хотел умирать...»

«...пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...»

Голоса были везде. Проникали в уши, в голову, в душу. Заполняли пустоту внутри - не теплом, не светом, а холодом, тьмой, отчаянием. Зубы сжались. Шаги продолжались. Слушать - не хотелось. Не могло. Если позволить голосам заполнить себя, если позволить им говорить, если позволить им рассказать свои истории - смерть. Это зналось. Чувствовалось каждой клеткой тела. Голоса были частью Лабиринта. Были оружием. Были ловушкой. Были тем, что убивало не тело, а душу. И победа над ними не планировалась.

Но один голос всё-таки услышался. Не потому, что хоте-

лось. Не потому, что ждалось. А потому, что он был другим. Не шептал. Не кричал. Не плакал. Не смеялся. Просто говорил - тихо, спокойно, ровно, как будто читал книгу или рассказывал сказку на ночь. И этот голос был знаком. Слишком знаком. Знался так хорошо, что сердце сжалось в груди, что дыхание перехватило, что ноги на мгновение перестали слушаться.

«...Лира...»

Голос матери. Тот самый голос, который пел колыбельные. Тот самый голос, который говорил: «Всё будет хорошо». Тот самый голос, который шептал: «Я люблю тебя» - в последний раз, перед тем как закрыть глаза навсегда. Шаги остановились. Замерли. Прислушались. Голос доносился откуда-то справа - из бокового прохода, который только что миновался, который не заметился в темноте, который был скрыт за поворотом. Зналось, что это не мать. Зналось, что мать мертва. Зналось, что голос - это ловушка, это обман, это часть Лабиринта, которая хочет убить. Но всё равно остановилась. Всё равно прислушалась. Всё равно позволила себе на мгновение - всего на мгновение - поверить, что мать здесь, что мать ждёт, что мать вернулась.

«...Лира, иди сюда...»

Голос был мягким. Тёплым. Любящим. Таким, каким он был при жизни. Что-то внутри - что-то, что похоронилось много лет назад, что-то, что спряталось так глубоко, что уже забылось о его существовании, - начало шевелиться. Боль.

Не физическая. Другая. Та, которая живёт в душе. Та, которая никогда не заживает. Та, которая ждёт своего часа, чтобы вырваться наружу и разорвать на части. Кулаки сжались. Ногти впились в ладони. Боль - физическая, реальная, острая - отрезвила. Шаг вперёд. Потом ещё один. Потом ещё. Не на голос. Дальше. В темноту. В Лабиринт. В неизвестность.

Голос матери становился тише. Дальше. Слабее. Умолял. Плакал. Звал. Но оборачиваться - не стала. Шаги продолжались - туда, где не было голосов, где не было ловушек, где не было боли. Или, по крайней мере, где боль была другой. Где боль была физической. Где боль можно было вытерпеть. Где боль не убивала душу.

Коридор впереди разветвлялся. Три прохода. Три пути. Три возможности. И ни одной подсказки. Ни одного знака. Ни одного намёка на то, какой из них правильный. Лира стояла в темноте и смотрела на три чёрных зева, которые вели в никуда, которые не обещали ничего, кроме смерти, которые ждали, когда будет сделан выбор. Что делать - не зналось. Куда идти - не зналось. Какой путь выбрать - не зналось. Но зналось одно: стоять здесь вечно - невозможно. Нужно было выбрать. Решить. Идти.

Глаза закрылись. Глубокий вдох. Прислушивание к себе - к телу, к инстинктам, к тому, что Маркус называл «мышечной мудростью». И тело ответило. Не словами. Не логическим объяснением. Просто знанием. Просто чувством. Просто пониманием. Левый проход. Не потому, что он был свет-

лее. Не потому, что он был шире. Не потому, что он был безопаснее. А потому, что что-то внутри - что-то, что жило глубже разума, глубже страха, глубже всего, что зналось о себе, - сказало: «Туда». Глаза открылись. Взгляд на левый проход. Шаг в него.

Темнота сомкнулась. Голоса стихли. Тишина стала абсолютной. Только шаги - бесшумные, лёгкие, осторожные - нарушали эту тишину. Только дыхание - ровное, спокойное, контролируемое - звучало в ушах. Только сердце - медленное, сильное, живое - билось в груди. Лира шла. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно. Одна. В темноте. В Лабиринте. Но страха не было. Потому что страх был роскошью, которую нельзя было себе позволить. Потому что страх убивал быстрее, чем любое оружие. Потому что страх был тем, что Лабиринт хотел, чтобы она чувствовала. А давать ему то, что он хотел - не собиралась. Собиралась выжить. Собиралась пройти через это. Собиралась найти выход. И собиралась сделать это - несмотря ни на что.

Услышалось раньше, чем увиделось. Дыхание - прерывистое, хриплое, как у загнанного зверя. Шаги - тяжёлые, неуверенные, спотыкающиеся. И запах. Запах пота. Запах страха. Запах крови - тёплой, свежей, липкой. Лира остановилась. Прижалась к стене. Слилась с темнотой. Стала тенью. Стала призраком. Стала никем. Ждала. Смотрела. Слушала.

Из темноты выбежал мальчик. Не тот, который пробежал мимо раньше. Другой. Больше. Старше. Сильнее. Руки в

крови - не его собственной, чужой. Глаза безумные - широко раскрытые, дикие, как у животного, которое загнали в угол. Бежал, не разбирая дороги, спотыкаясь о камни, ударяясь о стены. Не видел. Не чувствовал. Не понимал, что смерть стоит рядом. Просто бежал. От кого-то. Или от чего-то. Или от себя самого.

А потом - стало видно, от кого.

Из темноты, из того же прохода, откуда выбежал мальчик, вышли двое. Тёмные силуэты. Медленные. Уверенные. Холодные. Не бежали. Шли. Спокойно. Размеренно. Как хищники, которые знают, что добыча не уйдёт. Как убийцы, которые знают, что жертва обречена. Как те, кто уже убивал - и будет убивать снова. Лира прижалась к стене сильнее. Стала ещё меньше. Ещё незаметнее. Ещё невидимее. Смотрела на них - на лица, на глаза, на руки. И чувствовала, как что-то внутри - что-то холодное, что-то пустое, что-то, что жило в самой глубине существа, - реагирует на них. Не страх. Не жалость. Что-то другое. Что-то, что говорило: «Они - угроза. Они - враги. Они - те, кого нужно убить, прежде чем они убьют тебя».

Мальчик споткнулся. Упал. Попытался встать. Не смог. Ноги не слушались. Тело не подчинялось. Силы закончились. Лежал на холодном камне и смотрел на двух силуэтов, которые приближались. В глазах - страх. Настоящий. Животный. Первобытный. Страх, который нельзя подделать, который нельзя скрыть, который пропитывает каждую клетку те-

ла, каждую мысль, каждый вздох. Открыл рот, чтобы закричать. Но крик не вышел. Только хрип. Только стон. Только звук, который был слишком слабым, чтобы его кто-то услышал.

Двое подошли. Остановились. Посмотрели вниз - на мальчика, который лежал у их ног, который дрожал от страха, который ждал смерти. Один из них - высокий, худой, с длинными тёмными волосами, которые падали на лицо, - наклонился. Протянул руку. Коснулся мальчика. И мальчик закричал. Громко. Пронзительно. Отчаянно. Крик, который разрезал темноту, как нож, как лезвие, как что-то, что не должно существовать в этом мире. Крик, который длился всего мгновение - а потом оборвался. Резко. Внезапно. Как будто кто-то выключил звук. Как будто кто-то нажал кнопку. Как будто жизнь закончилась.

Мальчик замолчал. Тело обмякло. Глаза закрылись. Дыхание остановилось. Мёртв. Лира смотрела на это - на смерть, которая произошла в нескольких шагах, на жизнь, которая оборвалась так быстро, так легко, так нелепо. И не чувствовалось ничего. Не жалости. Не горя. Не страха. Только холод. Только пустота. Только знание: это - реальность. Это - Лабиринт. Это - то, что ждёт всех, кто входит сюда. И если не быть осторожной, если не быть быстрой, если не быть безжалостной - следующей будет она.

Двое убийц выпрямились. Посмотрели друг на друга. Кивнули. И пошли дальше - в темноту, из которой пришли.

Не заметили. Не почувствовали. Не поняли, что она была там, в двух шагах, что она видела всё, что она могла бы стать следующей, если бы они обернулись. Лира стояла неподвижно. Ждала. Смотрела. Слушала. Пока их шаги не затихли вдаль. Пока темнота не поглотила их. Пока тишина не вернулась - глубокая, абсолютная, мёртвая.

Тогда - вышла из тени. Подошла к телу мальчика. Посмотрела на него - на лицо, на глаза, которые были закрыты, на руки, которые лежали на камне, на кровь, которая растекалась по полу. Имени - не зналось. Откуда пришёл - не зналось. Кем был - не зналось. Но зналось: он был живым. Дышал. Чувствовал. Боялся. И теперь - мёртв. Просто мёртв. Как все остальные. Как те, кто умрёт сегодня. Как те, кто умрёт завтра. Как она сама - может быть, через час, через минуту, через секунду.

Отвернулась. Пошла дальше. В темноту. В Лабиринт. В неизвестность. Ничего нельзя было сделать для этого мальчика. Нельзя было вернуть. Нельзя было спасти. Можно было только идти. Только выживать. Только продолжать. Потому что это - единственное, что имело значение. Единственное, что было реальным. Единственное, что осталось.

Коридор изгибался. Стены двигались. Металл скрежетал. Вода капала. Ветер завывал. Лира шла. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно. Была тенью. Была призраком. Была той, кого нет. И собиралась выжить - что бы ни случилось. Что бы ни ждало впереди. Что бы ни пришлось

сделать. Собиралась выжить.

Потому что выбора не было. Потому что выживание - это единственное, что осталось. Потому что она - Лира. Дочь Элиаса. Та, кто не сдаётся. Та, кто идёт до конца. Та, кто выживает - несмотря ни на что.

Стена нашлась через некоторое время. Не стена коридора - другая. Особенная. Это понялось сразу, как только пальцы коснулись камня. Камень был другим. Гладким. Тёплым. Живым. Как будто его касались тысячи рук - тысячи пальцев, тысячи отчаянных попыток найти выход, тысячи последних вздохов. Ладонь провела по поверхности. Медленно. Осторожно. Чувствуя каждую трещину, каждую царапину, каждую неровность. И потом - почувствовались они. Имена. Выцарапанные в камне. Сотни. Тысячи. Миллионы. Детские имена. Взрослые имена. Имена, которые ничего не значили. Имена, которые значили всё. Имена тех, кто был здесь до неё. Имена тех, кто не вышел.

Колени опустились на камень. Пальцы провели по первому имени. «Аня». Маленькое. Кривое. Как будто его писали в спешке. Как будто его писали в страхе. Как будто его писали в темноте. Пальцы двинулись дальше. «Марк». «Лена». «Кай». «Мира». Знакомые имена. Незнакомые имена. Имена, которые слышались в Академии. Имена, которые никогда не слышались. Имена, которые были - и которых больше нет. Читались все. Каждое. Медленно. Тщательно. Как будто хотелось запомнить. Как будто хотелось сохранить. Как будто

хотелось унести их с собой. Потому что если не запомнить - никто не запомнит. Если не сохранить - никто не сохранит. Если не унести - они останутся здесь. Навсегда. В темноте. В холоде. В смерти.

Лира сидела на коленях перед стеной. Долго. Очень долго. Слезы текли по щекам - тёплые, солёные, живые. Не вытирались. Не могло. Не хотелось. Потому что это было единственное, что можно было дать им. Единственное, что осталось. Единственное, что было настоящим. Плакалось. И читалось. И запоминалось. Имена. Сотни имён. Тысячи имён. Миллионы имён. Детей. Таких же, как она. Таких же испуганных. Таких же потерянных. Таких же одиноких. Таких же - живых. И теперь - мёртвых. Просто мёртвых. Как все остальные. Как те, кто умрёт сегодня. Как те, кто умрёт завтра. Как она сама - может быть, через час, через минуту, через секунду.

Пальцы провели по последнему имени. Оно было свежим. Совсем свежим. Как будто его написали только что. Как будто его написали - для неё. «Лира». Её имя. На стене. Среди тысяч других. Кто-то - кто-то, кто был здесь до неё, кто-то, кто знал её, кто-то, кто ждал её, - написал её имя. Лира смотрела на него. Долго. Очень долго. Потом - рука протянулась. Нашёлся острый камень. И - выцарапалось рядом. Ещё одно имя. «Михель». Почему - не зналось. Зачем - не понималось. Но это сделалось. Потому что хотелось, чтобы он был здесь. С ней. На этой стене. Среди тех, кто жил. Среди тех,

кто умер. Среди тех, кто - ждал.

Встала. Посмотрела на стену последний раз. На имена. На свою жизнь. На свою смерть. Потом отвернулась. Пошла дальше. В темноту. В Лабиринт. В неизвестность. Не оглядывалась. Не могло. Не хотелось. Потому что если оглянуться - увидится то, что осталось позади. А видеть - не хотелось. Помнить - не хотелось. Знать - не хотелось. Просто шло. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно. Тенью. Призраком. Той, кого нет. Никем. И - собиралась выжить. Что бы ни случилось. Что бы ни было впереди. Что бы ни ждало. Собиралась выжить. Потому что она - Лира. Дочь Элиаса. Сестра Михеля. Та, кто не сдаётся. Та, кто идёт до конца. Та, кто выживает - несмотря ни на что.

## ГЛАВА 2: КОРИДОРЫ

Шла уже долго.

Сколько - не зналось. Время в Лабиринте текло иначе - не как вода, не как песок, не как что-то, что можно измерить или понять. Оно текло как кровь из открытой раны - медленно, тяжело, неостановимо. Каждый шаг отдавался в костях глухой вибрацией. Каждый вдох входил в лёгкие с трудом - воздух был густым, влажным, пропитанным запахом сырости и чего-то ещё, чего-то сладковатого и приторного, от чего кружилась голова и подкатывала тошнота.

Темнота вокруг была почти полной, почти абсолютной, почти вечной. Свет пробивался только откуда-то сверху -

слабый, серый, дрожащий, как будто умирающий. Проникал сквозь трещины в потолке, сквозь щели в стенах, сквозь отверстия, которые не виделись, но чувствовались. Недостаточный, чтобы разогнать тьму, но достаточный, чтобы видеть контуры - стен, пола, потолка, собственных рук. Лира смотрела на эти контуры и запоминала. Каждый поворот. Каждый изгиб. Каждую трещину. Потому что зналось: если забыть - смерть. Если потеряться - смерть. Если ошибиться - смерть. А умирать не собиралась.

Стены были влажными. Это чувствовалось каждый раз, когда пальцы касались их - а касались часто, потому что в темноте нельзя было идти иначе. Пальцы скользили по холодному камню, покрытому тонким слоем воды, которая собиралась в капли и стекала вниз, оставляя на коже влажные дорожки. Камень был шершавым, неровным, изъеденным временем. В некоторых местах крошился под пальцами, осыпаясь мелкой серой пылью. В других - был гладким, отполированным, как будто его касались тысячи рук, тысячи пальцев, тысячи отчаянных попыток найти выход. Лира чувствовала эти руки. Чувствовала эти пальцы. Чувствовала эти попытки. Они остались здесь - в камне, в воде, в воздухе. Были частью Лабиринта. Были частью смерти. Были частью всего.

Царапины. Нашлись почти сразу. Тонкие, извилистые линии, выцарапанные в камне. Неровные. Рваные. Глубокие. Как будто кто-то - отчаявшийся, испуганный, потерявший

надежду - пытался оставить след. Пытался сказать что-то тем, кто придёт после. Пытался предупредить. Пытался попрощаться. Пальцы провели по ним. Одна царапина. Другая. Третья. Десятая. Сотая. Стена была испещрена ими - сотнями, тысячами, миллионами тонких линий, которые пересекались, переплетались, образовывали узоры, которые невозможно было прочесть, но которые невозможно было не почувствовать. Каждая царапина - жизнь. Каждая линия - история. Каждый след - кто-то, кто стоял здесь, в этой темноте, касался этой стены, оставлял эту отметку - и уходил. Уходил в темноту. Уходил в неизвестность. Уходил туда, откуда не возвращаются.

Лира остановилась. Прижалась ладонью к стене. Почувствовала под пальцами все эти царапины - все эти жизни, все эти истории, все эти смерти. Закрыла глаза. Сделала глубокий вдох. Воздух вошёл в лёгкие - холодный, влажный, пропитанный запахом камня и времени. Стояла так долго. Минуту. Две. Десять. Не зналось, сколько. Просто стоялось. Просто чувствовалось. Просто помнилось. Потому что эти царапины - эти следы - были единственным доказательством того, что здесь были люди. Что здесь были дети. Что здесь были жизни. Что здесь была смерть. И хотелось запомнить их. Всех. Каждого. Каждую царапину. Каждую линию. Каждый след. Потому что если не запомнить - никто не запомнит. Если не сохранить - никто не сохранит. Если не помнить - всё это исчезнет. Как будто никогда и не было. Как будто

эти дети - эти жизни - эти смерти - не имели значения. А они имели. Имели значение. Для неё. Для тех, кто их любил. Для тех, кто их ждал. Для тех, кто не дождался. Имели значение.

Рука отнялась от стены. Посмотрелись пальцы - серая пыль, которая осталась на коже, влага, которая блестела в слабом свете, царапины, которые остались от касания камня. Вытерлись о рубашку. Медленно. Спокойно. Без эмоций. Как будто это делалось сотни раз. Как будто это было обычным делом. Как будто это не имело значения. Шаги продолжились. В темноту. В Лабиринт. В неизвестность. Не оглядывалась. Не могло. Не хотелось. Потому что если оглянуться - увидится то, что осталось позади. А видеть - не хотелось. Помнить - не хотелось. Знать - не хотелось. Просто шло. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно.

Коридор изгибался. Стены двигались. Металл скрежетал. Вода капала. Ветер завывал. Лира шла. И с каждым шагом чувствовалось, как что-то внутри - что-то, что не имело названия, что-то, что жило в самой глубине существа, - меняется. Становится другим. Становится холоднее. Становится пустее. Становится тем, чем должно было стать. Тем, чем её сделали. Тем, чем она была - теперь. В Лабиринте. В темноте. В смерти. Шаги продолжались. Шаг за шагом. И не останавливались. Потому что остановка означала смерть. А умирать не собиралась. Не сейчас. Не здесь. Не так.

Крики. Услышались через некоторое время. Далеко. Близо. Везде. Доносились из-за стен, из-за поворотов, из-

за тех мест, которые не виделись, но чувствовались. Крики детей. Мольбы о пощаде. Звуки борьбы. Удары. Падения. Тишина. Потом снова крики. Другие голоса. Другие смерти. Другие жизни, которые заканчивались.

Лира шла. Слушала. Запоминала. Помочь - не могло. Спасти - не могло. Остановить - не могло. Можно было только идти. Только выживать. Только продолжать. Потому что если остановиться, если броситься на помощь, если попытаться кого-то спасти - смерть. А умирать не собиралась. Не сейчас. Не здесь. Не так.

Крики становились громче. Ближе. Отчаяннее. Слышались всё лучше - каждый звук, каждое слово, каждая мольба. Слышалось, как кто-то плачет. Как кто-то умоляет. Как кто-то кричит имя - чьё-то имя, которое уже не имеет значения, потому что тот, кто его носил, уже мёртв. Слышалось, как кто-то бежит. Как кто-то падает. Как кто-то умирает. И шаги продолжались. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно. Не останавливалась. Не оборачивалась. Не смотрела. Потому что зналось: если посмотреть - увидится то, что не должно видаться. Если увидеть - запомнится. Если запомнить - нельзя будет забыть. А помнить - не хотелось. Знать - не хотелось. Чувствовать - не хотелось. Хотелось быть пустой. Холодной. Мёртвой. Как эти стены. Как этот камень. Как эта тьма. Как всё, что окружало. Хотелось быть ничем. Потому что ничто не чувствует. Ничто не помнит. Ничто не умирает. Ничто - это единственное, что может выжить в этом

месте. Ничто - это единственное, что может пройти через Лабиринт. Ничто - это единственное, что может дойти до конца. И она собиралась стать ничем. Стать тенью. Стать призраком. Стать той, кого нет. Стать смертью. Стать жизнью. Стать всем. Стать ничем.

Крики стихли. Тишина вернулась - глубокая, абсолютная, мёртвая. Шаги продолжались. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно. Одна. В темноте. В Лабиринте. Но страха не было. Потому что страх был роскошью, которую нельзя было себе позволить. Потому что страх убивал быстрее, чем любое оружие. Потому что страх был тем, что Лабиринт хотел, чтобы она чувствовала. А давать ему то, что он хотел - не собиралась. Собиралась выжить. Собиралась пройти через это. Собиралась найти выход. И собиралась сделать это - несмотря ни на что.

Коридор впереди сужался. Стены смыкались. Камень становился гладким, отполированным, как будто его касались тысячи рук, тысячи пальцев, тысячи отчаянных попыток найти выход. Лира чувствовала эти руки. Чувствовала эти пальцы. Чувствовала эти попытки. Они остались здесь - в камне, в воде, в воздухе. Были частью Лабиринта. Были частью смерти. Были частью всего. Шаги продолжались. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно. И потом - услышались шаги. Быстрые. Лёгкие. Приближающиеся. Кто-то бежал сюда. Кто-то спешил. Кто-то хотел жить. Кто-то хотел выжить. Кто-то хотел убить.

Лира замерла. Прижалась к стене. Слилась с темнотой. Стала тенью. Стала призраком. Стала никем. Ждала. Смотрела. Слушала. Шаги приближались. Становились громче. Быстрее. Отчаяннее. Слышалось дыхание - прерывистое, хриплое, как у загнанного зверя. Слышалось, как кто-то спотыкается, падает, встаёт, бежит дальше. Слышался шорох одежды, скрежет ногтей по камню, когда он пытался удержаться за стену. Слышался страх. Настоящий. Животный. Первобытный. Страх, который нельзя подделать, который нельзя скрыть, который пропитывает каждый звук, каждое движение, каждый вздох. И потом - она появилась.

Девочка выбежала из темноты прямо на неё - маленькая, худая, с растрёпанными волосами, которые прилипли ко лбу от пота. Не видела. Темнота была слишком густой, слишком плотной, слишком непроницаемой. Просто бежала - отчаянно, слепо, не разбирая дороги, спотыкаясь о камни, которые устилали пол. Руки вытянуты вперёд, пальцы растопырены, как будто пыталась нащупать путь, как будто пыталась найти что-то, за что можно ухватиться. Лицо искажено страхом - глаза широко раскрыты, рот приоткрыт, из горла вырывались хриплые, сдавленные звуки, которые не были словами, которые были просто выражением ужаса, который не помещался в маленькое тело. Пробежала мимо. Прямо мимо. В нескольких дюймах от того места, где стояла Лира, прижавшись к стене, слившись с темнотой, став невидимой. Не заметила. Не почувствовала. Не поняла, что смерть стоит ря-

дом, что смерть смотрит, что смерть ждёт.

Но потом - остановилась. Резко. Внезапно. Как будто на-  
ткнулась на невидимую стену. Стояла в нескольких шагах -  
тяжело дыша, дрожа, плача. В руке - кинжал. Тяжёлый. С  
длинным лезвием. С кровью на кончике - свежей, тёмной,  
ещё влажной. Держала его так, как держат оружие те, кто ни-  
когда не убивал. Неумело. Неуверенно. Слишком крепко -  
так, что костяшки побелели, так, что рука онемела, так, что  
лезвие дрожало вместе с ней. Смотрела в темноту - туда, от-  
куда пришла, туда, где остались те, кто хотел её убить, ту-  
да, где остались те, кого она, может быть, убила сама. Пла-  
кала. Слезы текли по щекам - грязные, мокрые дорожки, ко-  
торые оставляли следы на серой коже. Не вытирала. Не мог-  
ла. Рука, которая держала кинжал, была занята. А вторая -  
вторая была прижата к груди, к тому месту, где под рубаш-  
кой билось сердце, как будто девочка пыталась защитить его,  
как будто пыталась удержать его, как будто боялась, что оно  
остановится.

Лира смотрела на неё. И чувствовалось что-то. Не жа-  
лость. Не страх. Не боль. Что-то другое. Что-то, что не имело  
названия. Что-то, что жило в самой глубине существа. Что-  
то, что похоронилось так давно, что уже забылось о его суще-  
ствовании. Лира узнала эту девочку. Видела её в Академии.  
В саду. На уроках. Улыбалась. Смеялась. Играла с другими  
детьми. Была живой. Настоящей. Как все они. Как Мира. Как  
Лена. Как Кай. Как Михель. Как все, кого потеряла. Как все,

кого любила. Как все, кто умер. Была такой же. Такой же испуганной. Такой же потерянной. Такой же одинокой. Такой же - живой. И это делало её опасной. Не потому, что хотела убивать. А потому, что боялась. А страх - страх делал людей жестокими. Страх заставлял делать то, что никогда бы не сделали. Страх превращал в чудовищ. Страх убивал.

Девочка увидела Лиру. Наконец-то. Глаза - широко раскрытые, испуганные, полные слёз - уставились на неё. Замерла. Рука - та, которая держала кинжал, - поднялась выше. Лезвие направилось на Лиру. Кончик задрожал. Девочка открыла рот. Хотела что-то сказать. Но слова не выходили. Только хрип. Только стон. Только звук, который был слишком слабым, чтобы быть словом.

«Не подходи!» - крикнула наконец. Голос был тонким, дрожащим, отчаянным. Голос ребёнка, который пытается быть взрослым. Голос жертвы, которая пытается быть хищником. Голос того, кто боится, но не хочет показывать свой страх. «Не подходи, или я... я убью тебя! Я не хочу! Но я убью! Я не хочу умирать! Я не хочу умирать здесь!»

Лира стояла неподвижно. Смотрела на девочку. На лицо - бледное, перепачканное грязью, с красными от слёз глазами. На руки - тонкие, дрожащие, с обломанными ногтями, с царапинами, с кровью, которая запеклась на костяшках. На кинжал - который держался так, как держат оружие те, кто никогда не убивал. Неумело. Неуверенно. Слишком крепко. Лира видела всё это. И не двигалась. Не отступала. Не напа-

дала. Просто стояла. Просто смотрела. Просто ждала.

«Я не хочу тебя убивать», - сказала Лира. Голос был ровным. Спокойным. Холодным. Таким, каким он стал за годы тренировок, за годы выживания, за годы, когда училась отключать эмоции, как отключают свет. «Я не хочу убивать никого. Но я выживу. И ты выживешь, если опустишь кинжал. Если нападёшь - я защищаюсь. И тогда кто-то из нас умрёт. Ты хочешь этого?»

Девочка смотрела на неё. Дрожала. Плакала. Кинжал в руке дрожал вместе с ней. Не знала, что делать. Не знала, верить ли. Не знала, опустить ли оружие - или напасть. Была ребёнком. Просто ребёнком. Ребёнком, которого загнали в угол. Ребёнком, которого заставили убивать. Ребёнком, который не хотел умирать. Как и все они. Как и Лира. Как и все те, кто вошёл в Лабиринт сегодня. Как и все те, кто умрёт здесь.

«Ты врешь!» - крикнула девочка. Слёзы текли по щекам быстрее. Голос срывался. Рука дрожала сильнее. «Все врут! Все хотят убить! Все хотят выжить! Здесь нельзя выжить, не убивая! Здесь нельзя быть добрым! Здесь только смерть! Только смерть!»

«Да», - сказала Лира. «Здесь только смерть. Но я не хочу быть смертью. Я хочу быть жизнью. Я хочу выжить. И ты можешь выжить. Если опустишь кинжал. Если поверишь мне. Если пойдёшь со мной. Я не обещаю, что мы выживем. Я не обещаю, что всё будет хорошо. Но я обещаю, что не убью

тебя. Если ты не нападёшь. Если ты не заставишь меня.»

Девочка смотрела на неё. Долго. Очень долго. Слезы текли по щекам. Кинжал дрожал в руке. Хотела верить. Хотела опустить оружие. Хотела пойти с ней. Хотела выжить. Но страх - страх был сильнее. Страх говорил: «Она врёт. Она хочет убить тебя. Она хочет забрать твою жизнь. Она хочет выжить за твой счёт». И девочка поверила страху. Потому что страх - это единственное, что знала. Единственное, что чувствовала. Единственное, что было реальным в этом мире, где всё было ложью.

Она бросилась на Лиру.

Кинжал целился в грудь. В сердце. В то место, где жизнь бьётся сильнее всего. Девочка кричала - громко, отчаянно, как будто крик мог придать ей силы, как будто крик мог сделать её смелее, как будто крик мог изменить то, что должно было случиться. Бежала к Лире. Быстро. Яростно. Смертельно. И Лира ждала. Стояла неподвижно. Смотрела на лезвие, которое приближалось. Смотрела на девочку, которая бежала к ней. Смотрела на смерть, которая неслась навстречу. И в последний момент - когда кинжал был уже в нескольких дюймах от груди, когда лезвие готово было пронзить сердце, когда смерть была так близко, что её дыхание касалось кожи, - Лира двинулась.

Отступила в сторону. Плавно. Быстро. Тихо. Как тень. Как призрак. Как что-то, что не имеет формы. Кинжал пронёсся мимо. Девочка споткнулась - её собственная скорость, её

собственная ярость, её собственный страх толкнули её вперёд. Пролетела мимо, не успев остановиться, не успев повернуться, не успев понять, что произошло. И тогда Лира протянула руку. Быстро. Точно. Безжалостно. Пальцы сомкнулись на запястье девочки - на тонкой, хрупкой косточке, которая дрожала под кожей. Кожа к коже. Тепло к теплу. Жизнь к жизни.

И дар проснулся.

Тёплая волна поднялась от запястья девочки, прошла через пальцы Лиры, влилась в ладонь, поднялась по руке, достигла груди, заполнила пустоту внутри. Лира чувствовала, как сила девочки - её магия, её жизнь, её всё - перетекает в неё. Медленно. Плавно. Неумолимо. Как вода, которая впитывается в сухую землю. Как свет, который заполняет тёмную комнату. Как жизнь, которая переходит из одного тела в другое. Чувствовалось, как девочка слабеет. Как пальцы разжимаются. Как кинжал падает на камень - глухо, тяжело, окончательно. Как колени подгибаются. Как дыхание становится прерывистым. Как глаза расширяются - не от страха, а от чего-то другого. От понимания. От осознания того, что происходит. От знания, что конец пришёл.

«Что... что ты делаешь?» - прошептала девочка. Голос был слабым. Тихим. Почти беззвучным. Как будто слова выходили вместе с жизнью. Как будто каждое слово забирало последние силы. Как будто она уже была наполовину там, где нет слов.

«Я забираю», - сказала Лира. Голос был ровным. Холодным. Безжалостным. Таким, каким он должен был быть. Таким, каким она его сделала. «Я забираю твою жизнь. Твою магию. Твою силу. Я делаю это, потому что должна. Потому что если бы я не сделала этого - ты убила бы меня. Я не хотела. Но ты заставила меня. Ты напала. Ты не поверила. Ты выбрала смерть. И теперь ты умрёшь. А я буду жить. Так работает этот мир. Так работает Лабиринт. Так работает всё.»

Девочка смотрела на неё. Глаза - большие, светлые, полные слёз - были прикованы к лицу Леры. Не кричала. Не умоляла. Не пыталась вырваться. Просто смотрела. И в этом взгляде было что-то такое, от чего Лира на мгновение - всего на мгновение - почувствовала что-то. Не жалость. Не вину. Не боль. Что-то другое. Что-то, что не имело названия. Что-то, что жило в самой глубине существа, что-то, что похоронилось так давно, что уже забылось о его существовании. Но это длилось только мгновение. Потом дар забрал последнее - последнюю каплю силы, последний вздох, последний удар сердца. И девочка умерла.

Тело обмякло. Упало на камень - мягко, тяжело, окончательно. Как мешок. Как тряпичная кукла. Как то, что больше не имеет значения. Лира отпустила запястье. Посмотрела на девочку - на лицо, на глаза, которые были открыты, которые смотрели в потолок, которые ничего не видели, которые ушли в другое место, в другую жизнь, в другую реальность. На руку - тонкую, бледную, которая лежала на камне, кото-

рая больше не дрожала, которая больше не держала кинжал. На кинжал - который лежал рядом, который блестел в темноте, который больше никому не принадлежал. Лира смотрела на неё. И не чувствовалось ничего. Не жалости. Не горя. Не вины. Только холод. Только пустота. Только сила - новая сила, которая пульсировала внутри, которая стала частью, которая сделала сильнее. Сильнее на одну жизнь. Сильнее на одну смерть. Сильнее на одного ребёнка, который не выжил.

Наклонилась. Подняла кинжал девочки - тяжёлый, холодный, с лезвием, которое всё ещё было чистым, которое не успело коснуться никого, кроме неё самой. Посмотрела на него. Потом - на девочку. Потом - положила кинжал на грудь девочки. На то место, где под рубашкой билось сердце, которое больше не билось. Как будто хотелось вернуть его. Как будто хотелось, чтобы девочка забрала его с собой. Как будто хотелось, чтобы что-то осталось с ней - что-то, что принадлежало ей, что было её, что было частью её жизни, которая закончилась так быстро, так нелепо, так жестоко.

«Прости меня», - сказала Лира. Голос был тихим. Почти беззвучным. Как будто говорилось с собой. Как будто говорилось с девочкой. Как будто говорилось с кем-то, кто уже не мог услышать. «Я не хотела. Но я должна была. Я выживу. За тебя. За всех. Я выживу.»

Выпрямилась. Посмотрела на тело девочки последний раз. Потом отвернулась. Пошла дальше. В темноту. В Лабиринт. В неизвестность. Не оглядывалась. Не могло. Не хо-

телось. Потому что если оглянуться - увидится то, что сделано. А видеть - не хотелось. Помнить - не хотелось. Знать - не хотелось. Просто шлось. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно. Тенью. Призраком. Той, кого нет. И только что убит человек. Первый. Но не последний.

Шаги продолжались. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно. И с каждым шагом чувствовалось, как что-то внутри - что-то, что не имело названия, что-то, что жило в самой глубине существа, - меняется. Растёт. Становится сильнее. Это была сила девочки. Её магия. Её жизнь. Перетекала медленно, плавно, неумолимо. Заполняла пустоту внутри. Делала больше. Делала сильнее. Делала - опаснее. Лира чувствовала это. Чувствовала, как новая сила пульсирует в венах - тёплая, живая, чужая, но теперь её. Чувствовала, как смешивается с той силой, которая уже была внутри, с той пустотой, которая заполнялась, с тем холодом, который становился всё глубже. Чувствовалось, как становится сильнее. Как становится быстрее. Как становится безжалостнее. Как становится тем, кем должна была стать. Тем, кем её сделали. Тем, кем она была - теперь. В Лабиринте. В темноте. В смерти.

Остановилась. Посмотрела на свои руки. Маленькие. Тонкие. Бледные. Руки, которые только что забрали жизнь. Руки, которые только что убили. Руки, которые теперь были в крови - невидимой, но реальной. Кровь девочки. Кровь того, кто хотел жить. Кровь того, кто боялся. Кровь того, кто

умер. Лира смотрела на свои руки. Долго. Очень долго. И не чувствовалось ничего. Не жалости. Не горя. Не вины. Только холод. Только пустота. Только сила. Только смерть. Только жизнь. Сжались в кулаки. Почувствовалась новая сила, которая пульсировала в них - тёплая, живая, чужая, но теперь её. Разжались. Посмотрелись ладони. Линии, которые пересекали их, как карта неизведанной земли, как реки на старой карте, как пути, которые ведут в никуда. Подумалось о том, что эти руки - оружие. Что они могут забрать жизнь. Что они уже сделали это. Что неизвестно, сможет ли остановить их, когда они снова захотят убивать. Подумалось о том, что она - чудовище. Что она - проклятие. Что она - то, что не должно существовать. Но не остановилась. Не заплакала. Не позволила себе чувствовать. Потому что чувствовать - это роскошь, которую нельзя было себе позволить. Потому что чувствовать - это смерть. А умирать не собиралась. Не сейчас. Не здесь. Не так.

Шаги продолжились. В темноту. В Лабиринт. В неизвестность. Не оглядывалась. Не могло. Не хотелось. Потому что если оглянуться - увидится то, что сделано. А видеть - не хотелось. Помнить - не хотелось. Знать - не хотелось. Просто шлось. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно. Тенью. Призраком. Той, кого нет. Охотницей. И только что убит первый. Но не последний. Никогда - последний.

Коридор изгибался. Стены двигались. Металл скрежетал. Вода капала. Ветер завывал. Лира шла. Шаг за шагом. И

внутри - в той пустоте, которая была сутью, которая была проклятием, которая была спасением, - пульсировала новая сила. Сила девочки. Сила её магии. Сила её жизни. Смешивалась с той силой, которая уже была внутри, с той пустотой, которая заполнялась, с тем холодом, который становился всё глубже. И чувствовалось, как становится сильнее. Как становится быстрее. Как становится безжалостнее. Как становится тем, кем должна была стать. Тем, кем её сделали. Тем, кем она была - теперь. В Лабиринте. В темноте. В смерти. Шаги продолжались. Шаг за шагом. И не останавливались. Потому что остановка означала смерть. А умирать не собиралась. Не сейчас. Не здесь. Не так.

Голоса. Снова. Крики. Мольбы. Звуки борьбы. Удары. Падения. Тишина. Потом снова крики. Другие голоса. Другие смерти. Другие жизни, которые заканчивались. Лира шла. Слушала. Запоминала. Помочь - не могло. Спасти - не могло. Остановить - не могло. Можно было только идти. Только выживать. Только продолжать. Потому что если остановиться, если броситься на помощь, если попытаться кого-то спасти - смерть. А умирать не собиралась. Не сейчас. Не здесь. Не так.

Крики стихли. Тишина вернулась - глубокая, абсолютная, мёртвая. Шаги продолжались. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно. Одна. В темноте. В Лабиринте. Но страха не было. Потому что страх был роскошью, которую нельзя было себе позволить. Потому что страх уби-

вал быстрее, чем любое оружие. Потому что страх был тем, что Лабиринт хотел, чтобы она чувствовала. А давать ему то, что он хотел - не собиралась. Собиралась выжить. Собиралась пройти через это. Собиралась найти выход. И собиралась сделать это - несмотря ни на что.

Коридор впереди разветвлялся. Лира остановилась. Три прохода. Три пути. Три возможности. И ни одной подсказки. Ни одного знака. Ни одного намёка на то, какой из них правильный. Стояла в темноте и смотрела на три чёрных зева, которые вели в никуда, которые не обещали ничего, кроме смерти, которые ждали, когда будет сделан выбор. Что делать - не зналось. Куда идти - не зналось. Какой путь выбрать - не зналось. Но зналось одно: стоять здесь вечно - невозможно. Нужно было выбрать. Решить. Идти.

Вспомнился Маркус. Его слова. «Когда не знаешь, куда идти - слушай тело. Тело знает. Тело помнит. Тело - это единственное, что никогда не врёт.» Лира закрыла глаза. Сделала глубокий вдох. Прислушалась к себе - к телу, к инстинктам, к тому, что Маркус называл «мышечной мудростью». И тело ответило. Не словами. Не логическим объяснением. Просто знанием. Просто чувством. Просто пониманием. Левый проход. Не потому, что он был светлее. Не потому, что он был шире. Не потому, что он был безопаснее. А потому, что что-то внутри - что-то, что жило глубже разума, глубже страха, глубже всего, что зналось о себе, - сказало: «Туда». Глаза открылись. Взгляд на левый проход. Шаг в него.

Темнота сомкнулась. Голоса стихли. Тишина стала абсолютной. Только шаги - бесшумные, лёгкие, осторожные - нарушали эту тишину. Только дыхание - ровное, спокойное, контролируемое - звучало в ушах. Только сердце - медленное, сильное, живое - билось в груди. Лира шла. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно. Одна. В темноте. В Лабиринте. Но страха не было. Потому что страх был роскошью, которую нельзя было себе позволить. Потому что страх убивал быстрее, чем любое оружие. Потому что страх был тем, что Лабиринт хотел, чтобы она чувствовала. А давать ему то, что он хотел - не собиралась. Собиралась выжить. Собиралась пройти через это. Собиралась найти выход. И собиралась сделать это - несмотря ни на что.

Коридор сужался. Стены смыкались. Камень становился гладким, отполированным. Воздух становился гуще, тяжелее, пропитаннее. Дышать становилось труднее. Каждый вдох давался с усилием. Каждый шаг - с напряжением. Но шаги продолжались. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно. Потому что остановка означала смерть. А умирать не собиралась. Не сейчас. Не здесь. Не так.

И потом - коридор закончился. Впереди - стена. Тупик. Лира остановилась. Посмотрела на стену. Долго. Очень долго. Потом - повернулась. Пошла обратно. К развилке. К трём проходам. К выбору, который, возможно, был неправильным. Но она не сдавалась. Не могло. Не хотелось. Потому что сдаться - это смерть. А умирать не собиралась. Не сейчас.

Не здесь. Не так. Она вернётся к развилке. Выберет другой проход. Потом ещё один. Потом ещё. Она найдёт выход. Она выживет. Она пройдёт через это. Она дойдёт до конца. Потому что она - Лира. Дочь Элиаса. Сестра Михеля. Та, кто не сдаётся. Та, кто идёт до конца. Та, кто выживает - несмотря ни на что.

Шаги продолжились. Обратно. К развилке. К трём проходам. К новому выбору. К новой попытке. К новой жизни. Или - к новой смерти. Но не своей. Никогда - своей.

### ГЛАВА 3: САД

Коридор закончился внезапно.

Лира шла в темноте так долго, что уже перестала ждать, что она закончится. Стены смыкались и размыкались, пол поднимался и опускался, воздух становился гуще и жиже, но тьма оставалась неизменной - густой, непроницаемой, вечной. Привыкла к ней. Привыкла к тому, что мир состоит из чёрного и серого - из теней, из контуров, из того, что можно нащупать пальцами, но нельзя увидеть глазами. Привыкла к тому, что свет - это только слабое дрожание где-то вверху, только бледные полосы на потолке, только напоминание о том, что где-то существует что-то другое. Привыкла к темноте так, как привыкают к боли - перестаёшь замечать, перестаёшь чувствовать, перестаёшь помнить, что когда-то было иначе.

И потом - темнота закончилась.

Свет ударил в глаза. Внезапно. Резко. Ослепительно. Как будто кто-то сорвал повязку, как будто кто-то распахнул дверь, как будто кто-то вытолкнул из тьмы на солнце. Ли-ра зажмурилась. Инстинктивно. Слишком поздно. Свет уже проник под веки - яркий, тёплый, живой. Резал глаза, заставлял слёзы течь по щекам, заставлял поднимать руку, чтобы закрыть лицо, чтобы защититься, чтобы спрятаться. Стояла так долго. Минуту. Две. Десять. Не зналось, сколько. Просто стоялось. Просто ждалось. Просто привыкалось. Потому что свет - настоящий свет, не тот, который придумывался в голове, не тот, который мерещился в темноте, не тот, который был только надеждой, - был слишком ярким. Слишком сильным. Слишком реальным. И не было готовности к нему. Не было готовности к тому, что он существует. Не было готовности к тому, что он может быть таким.

Глаза открылись. Медленно. Осторожно. Постепенно.

И - увиделось.

САД.

Он был - прекрасен. По-настоящему. Безусловно. Абсолютно.

Зелёная трава - мягкая, как бархат, как вода, как что-то, что не имеет формы. Тянулась во все стороны - до горизонта, до края мира, до того места, где небо встречается с землёй. Цветущие деревья - высокие, с густыми кронами, с ветвями, которые склонялись к земле, как будто хотели коснуться её, как будто хотели обнять, как будто хотели утешить. Ябло-

ни. Вишни. Персики. На ветвях - плоды. Красные. Блестящие. Сладкие. Ждали. Звали. Фонтаны - мраморные, с тонкой резьбой, с водой, которая струилась вверх и падала вниз, разбиваясь на тысячи сверкающих брызг. Беседки - из белого камня, с колоннами, с крышами, увитыми плющом. Внутри - скамьи. Мягкие. Тёплые. Ждущие.

Статуи - ангелы. Везде. Вдоль аллей. У фонтанов. На полянах. Белый мрамор, отполированный до блеска, сиял на солнце так ярко, что глазам было больно смотреть. Улыбались. Все. Всегда. Улыбки были - разными. Тёплыми. Загадочными. Печальными. Радостными. Спокойными. Но все - живыми. Как будто они знали что-то, чего не знали дети. Как будто они видели всё это раньше. Как будто они - ждали.

Птицы пели в кронах деревьев. Вода журчала в фонтанах. Ветер шевелил листву. Воздух был - тёплым. Напоённым ароматом цветов. Розы. Лилии. Пионы. Ирисы. Пахли. Сильно. Сладко. Приторно. Так, что кружилась голова. Так, что хотелось закрыть глаза. Так, что хотелось забыть.

Небо было - голубым. Чистым. Бесконечным. Без единого облака. Без единой тучи. Без единого намёка на то, что мир может быть другим.

Лира стояла на пороге. Смотрела на САД. Долго. Очень долго. Не двигалась. Не дышала. Не думала. Просто стояла. Просто смотрела. Просто - была. И чувствовалось - что-то. Что-то, что не хотелось чувствовать. Что-то, что не должно было чувствоваться. Что-то, что делало - слабой. Что-то, что

делало - живой. Чувствовалась - красота. Настоящая. Живая. Та, которую не видела так давно, что уже забыла, что она существует. Чувствовалось - тепло. Настоящее. Живое. То, которое не чувствовала так давно, что уже забыла, что оно бывает. Чувствовалось - спокойствие. Настоящее. Живое. То, которое не чувствовала так давно, что уже забыла, что оно возможно.

Стояла на пороге. Смотрела на САД. И - улыбалась. Впервые за долгое время. Впервые с тех пор, как вошла в Лабиринт. Впервые с тех пор, как увидела первую смерть. Впервые с тех пор, как потеряла. Улыбалась. И это было - хорошо. Это было - прекрасно. Это было - рай.

САД был незнаком.

Лира никогда не была здесь раньше. Никогда не видела этого места. Никогда не слышала о нём. В Академии был сад - обычный сад, с яблонями и скамейками, куда водили на прогулки. Но это был не он. Это был - другой. Это был - САД. С заглавными буквами. С чем-то большим, чем просто место. С чем-то, что имело имя. С чем-то, что имело - смысл.

САД. Сад. С-А-Д. Лира стояла и смотрела на него - на траву, на деревья, на фонтаны, на статуи - и в голове медленно, как капля воды, падающая в воду, как удар сердца, как мысль, которая приходит слишком поздно, - складывалось слово. С-А-Д. Сад. Но не просто сад. САД. С заглавными буквами. Как аббревиатура. Как название. Как имя. Как что-

то, что было придумано кем-то - кем-то, кто хотел, чтобы это место называлось именно так. Кем-то, кто вложил в это имя смысл. Кем-то, кто знал, что делает.

С-А-Д. Сад. С - как... Лира не знала. Не могла понять. Не могла расшифровать. Но что-то внутри - что-то, что жило глубже разума, глубже страха, глубже всего, что зналось о себе, - подсказывало: это не просто сад. Это - САД. Это - место, которое выглядит как рай. Это - место, которое пахнет как рай. Это - место, которое звучит как рай. Но это - не рай. Это - САД. И в этом слове - в этих трёх буквах - было что-то. Что-то, что не хотелось понимать. Что-то, что не хотелось знать. Что-то, что - ждало.

Лира тряхнула головой. Отогнала мысль. Не сейчас. Не время. Сейчас нужно было идти. Смотреть. Слушать. Ждать. Потому что САД - прекрасен. Но САД - опасен. Потому что САД - рай. Но рай - это место, где убивают. Потому что САД - это то, что ждёт. И то, что ждёт - это смерть.

Шаги продолжились. В САД. В Лабиринт. В неизвестность. Не оглядывалась. Не могло. Не хотелось. Потому что если оглянуться - увидится темнота, из которой пришла. А видеть - не хотелось. Помнить - не хотелось. Знать - не хотелось. Просто шлось. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно. Тенью. Призраком. Той, кого нет. И искалось. Искался выход. Искалась дверь. Искалась жизнь. Потому что это - единственное, что имело значение. Единственное, что было реальным. Единственное, что осталось.

Первое тело нашлось через несколько минут.

Мальчик. Маленький. Худой. Светлые волосы, которые разметались по траве, как солома, как сухая трава, которая больше никогда не оживёт. Белая рубашка, которая была белой когда-то - теперь серая от грязи и влаги, с тёмным пятном на груди, которое расплзлось, как чернила, как болезнь, как смерть. Глаза открыты. Смотрели в небо. Ничего не видели. Ничего не чувствовали. Ничего не знали. Руки раскинуты. Пальцы сжаты в кулаки. Как будто боролся. Как будто не хотел уходить. Как будто цеплялся за жизнь. Но жизнь не захотела держать его. Жизнь отпустила его. Жизнь позволила ему упасть. И он упал. На траву. Среди цветов. У фонтана. Мёртвый. Серый. Холодный.

Лира остановилась. Посмотрела на него. Долго. Очень долго. Не зналось его имени. Не зналось, откуда он пришёл. Не зналось, кем он был. Но зналось, что он был живым. Что он дышал. Что он чувствовал. Что он боялся. И теперь он был мёртв. Просто мёртв. Как все остальные. Как те, кто умрёт сегодня. Как те, кто умрёт завтра. Как она сама - может быть, через час, через минуту, через секунду.

Отвернулась. Пошла дальше. В САД. В Лабиринт. В неизвестность. Не оглядывалась. Не могло. Не хотелось. Потому что если оглянуться - увидится то, что осталось позади. А видеть - не хотелось. Помнить - не хотелось. Знать - не хотелось. Просто шлось. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно. Тенью. Призраком. Той, кого нет. И искалось.

Искался выход. Искалась дверь. Искалась жизнь.

Второе тело нашлось через несколько минут. Девочка. С двумя косами. С веснушками на носу. С руками, которые были сложены на груди - кем-то, кто хотел, чтобы она выглядела спокойной, кем-то, кто хотел, чтобы её смерть была красивой. Белое платье. Белое, как снег, как мел, как смерть. Тёмное пятно на животе. Кровь. Свежая. Тёмная. Липкая. Впиталась в ткань, в землю, в траву. Трава стала ярче там, где пролилась кровь. Цветы стали ярче. Всё стало ярче. Как будто смерть удобряла землю. Как будто смерть питала жизнь. Как будто смерть была частью всего. Лира остановилась. Посмотрела на неё. Долго. Очень долго. Не зналась эта девочка. Никогда не виделась. Никогда не встречалась. Но была такой же. Такой же испуганной. Такой же потерянной. Такой же одинокой. Такой же - живой. И теперь - мёртвой. Просто мёртвой. Как все остальные. Лира отвернулась. Пошла дальше. В САД. В Лабиринт. В неизвестность. Не оглядывалась. Не могло. Не хотелось. Потому что если оглянуться - увидится то, что осталось позади. А видеть - не хотелось. Помнить - не хотелось. Знать - не хотелось. Просто шлось. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно.

Третье тело. Четвёртое. Пятое. Десятое. Двадцатое. Лежали на траве - там и тут, разбросанные, как игрушки, которые кто-то бросил, как вещи, которые больше не нужны, как жизни, которые закончились. Мальчик у фонтана - лицом вверх, глаза открыты, руки раскинуты, кровь на белой

рубашке, кровь на траве, кровь в воде фонтана, которая стала розовой, которая стала красной, которая стала цветом смерти. Девочка у статуи ангела - свернувшаяся калачиком, как будто спала, как будто хотела согреться, как будто искала защиты у каменных крыльев, которые не могли защитить никого. Ещё один мальчик - у дерева, с кинжалом в груди, с руками, которые сжимали рукоять, как будто пытался вытащить его, как будто пытался спасти себя, как будто не понимал, что уже слишком поздно. Ещё одна девочка - у беседки, с открытыми глазами, которые смотрели в небо, которые ничего не видели, которые ушли в другое место, в другую жизнь, в другую реальность. Ещё один мальчик. Ещё одна девочка. Ещё. Ещё. Ещё. Лира шла мимо них. Не останавливалась. Не смотрела. Не запоминала. Не могло позволить себе останавливаться. Не могло позволить себе смотреть. Не могло позволить себе запоминать. Потому что если остановиться, если посмотреть, если запомнить - смерть. Не физически. Другая смерть. Смерть внутри. Смерть души. Смерть того, что ещё оставалось от той девочки, которой она была когда-то. Шлось мимо. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно. Тенью. Призраком. Той, кого нет. И искалось. Искался выход. Искалась дверь. Искалась жизнь.

САД был большим. Огромным. Бесконечным. Тянулся во все стороны - влево и вправо, вперёд и назад, вверх и вниз. Был лабиринтом внутри Лабиринта. Был ловушкой внутри ловушки. Был смертью внутри смерти. Лира шла по нему, и

с каждым шагом понималось всё лучше: здесь нельзя оставаться. Здесь нельзя задерживаться. Здесь нельзя расслабляться. Здесь можно только идти. Только двигаться. Только искать выход. Только выживать. И шлось. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно. Смотрелось по сторонам. Слушалось. Ждалось. Ждалось, когда кто-то - или что-то - попытается убить. Ждалось, когда придётся защищаться. Ждалось, когда Лабиринт покажет своё истинное лицо. И Лабиринт не заставил себя ждать.

Крик раздался внезапно.

Громкий. Резкий. Пронзительный. Крик, который разрезал тишину САДа, как нож, как лезвие, как что-то, что не должно существовать в этом мире. Крик, в котором было всё - боль, страх, отчаяние, понимание того, что конец пришёл, что надежды больше нет, что смерть неизбежна. Лира замерла. Прижалась к статуе ангела - того самого, который держал меч, опущенный вниз. Слилась с мрамором. Стала тенью. Стала призраком. Стала никем. Ждала. Смотрела. Слушала.

Крик оборвался. Резко. Внезапно. Как будто кто-то выключил звук. Как будто кто-то нажал кнопку. Как будто жизнь закончилась. И потом - тишина. Глубокая. Абсолютная. Мёртвая. Лира стояла неподвижно. Слушала тишину. Чувствовала, как что-то внутри - что-то, что не имело названия, что-то, что жило в самой глубине существа - реагирует на эту тишину. Не страх. Не боль. Не жалость. Что-то другое.

Что-то холодное. Что-то пустое. Что-то, что говорило: «Ты могла бы быть там. Но ты не там. Ты здесь. Ты жива. Ты всё ещё жива. И это - единственное, что имеет значение».

Из-за поворота выбежал мальчик. Маленький. Худой. С растрёпанными волосами, которые прилипли ко лбу от пота. Он не видел её. Темнота - нет, не темнота, свет, яркий свет САДа - но он всё равно не видел. Он просто бежал - отчаянно, слепо, не разбирая дороги, спотыкаясь о камни, которые устилали дорожку. Его руки были вытянуты вперёд, пальцы растопырены, как будто он пытался нащупать путь, как будто он пытался найти что-то, за что можно ухватиться. Его лицо было искажено страхом - глаза широко раскрыты, рот приоткрыт, из горла вырывались хриплые, сдавленные звуки, которые не были словами, которые были просто выражением ужаса, который не помещался в маленькое тело. Он бежал мимо неё. Прямо мимо. В нескольких дюймах от того места, где стояла Лира, прижавшись к статуе, слившись с мрамором, став невидимой. Он не заметил её. Не почувствовал. Не понял, что смерть стоит рядом, что смерть смотрит на него, что смерть ждёт.

А потом - за ним. Двое. Тёмные силуэты. Медленные. Уверенные. Холодные. Они не бежали. Они шли. Спокойно. Размеренно. Как хищники, которые знают, что добыча не уйдёт. Как убийцы, которые знают, что жертва обречена. Как те, кто уже убивал - и будет убивать снова. Лира прижалась к статуе сильнее. Стала ещё меньше. Ещё незаметнее. Ещё

невидимее. Смотрела на них - на их лица, на их глаза, на их руки. И чувствовала, как что-то внутри - что-то холодное, что-то пустое, что-то, что жило в самой глубине существа, - реагирует на них. Не страх. Не жалость. Что-то другое. Что-то, что говорило: «Они - угроза. Они - враги. Они - те, кого нужно избегать. Те, от кого нужно прятаться. Те, кто убьёт, если найдёт».

Мальчик споткнулся. Упал. Попытался встать. Не смог. Его ноги не слушались. Его тело не подчинялось. Его силы закончились. Он лежал на холодном камне и смотрел на двух силуэтов, которые приближались. В его глазах был страх. Настоящий. Животный. Первобытный. Страх, который нельзя подделать, который нельзя скрыть, который пропитывает каждую клетку тела, каждую мысль, каждый вздох. Он открыл рот, чтобы закричать. Но крик не вышел. Только хрип. Только стон. Только звук, который был слишком слабым, чтобы его кто-то услышал.

Двое подошли к нему. Остановились. Посмотрели вниз - на мальчика, который лежал у их ног, который дрожал от страха, который ждал смерти. Один из них - высокий, худой, с длинными тёмными волосами, которые падали на лицо, - наклонился. Протянул руку. Коснулся мальчика. И мальчик закричал. Громко. Пронзительно. Отчаянно. Крик, который разрезал тишину САДа, как нож, как лезвие, как что-то, что не должно существовать в этом мире. Крик, который длился всего мгновение - а потом оборвался. Резко. Внезапно. Как

будто кто-то выключил звук. Как будто кто-то нажал кнопку. Как будто жизнь закончилась.

Мальчик замолчал. Его тело обмякло. Его глаза закрылись. Его дыхание остановилось. Он был мёртв. Лира смотрела на это - на смерть, которая произошла в нескольких шагах от неё, на жизнь, которая оборвалась так быстро, так легко, так нелепо. И она не чувствовала ничего. Не жалости. Не горя. Не страха. Только холод. Только пустоту. Только знание: это - реальность. Это - САД. Это - то, что ждёт всех, кто входит сюда. И если она не будет осторожной, если она не будет быстрой, если она не будет незаметной - она будет следующей.

Двое убийц выпрямились. Посмотрели друг на друга. Кивнули. И пошли дальше - вглубь САДа, туда, где ждали другие. Они не заметили её. Не почувствовали её. Не поняли, что она была там, в двух шагах, что она видела всё, что она могла бы стать следующей, если бы они обернулись. Лира стояла неподвижно. Ждала. Смотрела. Слушала. Пока их шаги не затихли вдали. Пока САД не поглотил их. Пока тишина не вернулась - глубокая, абсолютная, мёртвая.

Тогда она вышла из тени. Подошла к телу мальчика. Посмотрела на него - на его лицо, на его глаза, которые были закрыты, на его руки, которые лежали на камне, на его кровь, которая растекалась по мрамору. Она не знала его имени. Не знала, откуда он пришёл. Не знала, кем он был. Но она знала, что он был живым. Что он дышал. Что он чувствовал.

Что он боялся. И теперь он был мёртв. Просто мёртв. Как все остальные. Как те, кто умрёт сегодня. Как те, кто умрёт завтра. Как она сама - может быть, через час, через минуту, через секунду.

Лира отвернулась. Пошла дальше. В САД. В Лабиринт. В неизвестность. Она не могла ничего сделать для этого мальчика. Не могла его вернуть. Не могла его спасти. Она могла только идти. Только выживать. Только продолжать. Потому что это - единственное, что имело значение. Единственное, что было реальным. Единственное, что осталось.

Шла. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно. Не охотилась. Не искала. Не убивала. Просто шла. Просто пряталась. Просто ждала. Ждала, когда найдётся выход. Ждала, когда закончится этот кошмар. Ждала, когда можно будет уйти. Но выход не находился. Кошмар не заканчивался. Уйти не получалось. САД был бесконечным. САД был вечным. САД не имел ни начала, ни конца. И Лира шла по нему - одна, среди статуй, среди фонтанов, среди цветов, среди тел. Среди смерти.

Она видела их. Тени. Не тех, кто охотился. Других. Тех, кто прятался. Как она. Тех, кто боялся. Как она. Тех, кто хотел выжить. Как она. Они мелькали между деревьями. Прятались за статуями. Сидели в беседках. Они не нападали. Не убивали. Они просто - были. Просто - ждали. Как она. И Лира - Лира не подходила к ним. Не заговаривала. Не помогала. Потому что знала: если подойти, если заговорить, если

помочь - смерть. Не их. Её. Потому что нельзя доверять никому. Потому что каждый - враг. Потому что каждый - убьёт, если сможет. Так учил Лабиринт. Так учил САД. Так учила смерть.

Она видела, как они умирают. Тени. Те, кто прятался. Те, кто боялся. Тех, кто хотел выжить. Их находили. Их убивали. Их забирали. Не она. Другие. Те, кто охотился. Те, кто убивал. Те, кто стал смертью. Лира смотрела на это - на смерти, которые происходили в нескольких шагах, на жизни, которые обрывались так быстро, так легко, так нелепо. И не чувствовала ничего. Не жалости. Не горя. Не страха. Только холод. Только пустоту. Только знание: это - реальность. Это - САД. Это - то, что ждёт всех, кто входит сюда. И если она не будет осторожной, если она не будет быстрой, если она не будет незаметной - она будет следующей.

Она видела, как они убивают друг друга. Тени. Те, кто прятался. Те, кто боялся. Те, кто хотел выжить. Они находили друг друга. Они нападали друг на друга. Они убивали друг друга. Не она. Они сами. Потому что страх. Потому что отчаяние. Потому что желание выжить - любой ценой. Лира смотрела на это - на смерти, которые происходили в нескольких шагах, на жизни, которые обрывались так быстро, так легко, так нелепо. И не чувствовала ничего. Не жалости. Не горя. Не страха. Только холод. Только пустоту. Только знание: это - реальность. Это - САД. Это - то, что ждёт всех, кто входит сюда. И если она не будет осторожной, если она

не будет быстрой, если она не будет незаметной - она будет следующей.

Иногда - на неё нападали. Тени. Те, кто прятался. Те, кто боялся. Тех, кто хотел выжить. Они видели её. Они бросались на неё. Они хотели убить. Они хотели выжить. За её счёт. И Лира - Лира защищалась. Не хотела. Не стремилась. Не искала. Но защищалась. Потому что иначе - смерть. Потому что иначе - конец. Потому что иначе - она станет одной из тех, кто лежит на траве, среди цветов, у фонтана, мёртвый, серый, холодный. Она защищалась. Отступала. Уворачивалась. Иногда - касалась. Иногда - дар просыпался. Иногда - забирал. Быстро. Легко. Почти нежно. Как будто они были готовы. Как будто они ждали. Как будто они хотели, чтобы это произошло. И они - падали. На траву. Среди цветов. У статуй. Мёртвые. Серые. Холодные. Лира смотрела на них. И не чувствовала ничего. Не жалости. Не горя. Не вины. Только холод. Только пустоту. Только силу - новую силу, которая пульсировала внутри, которая стала частью, которая сделала сильнее. Сильнее на одну жизнь. Сильнее на одну смерть. Сильнее на одного ребёнка, который не выжил. Но она не хотела этого. Не стремилась. Не искала. Просто - защищалась. Просто - выживала. Просто - не хотела умирать.

Стена нашлась через некоторое время. Не стена САДа - другая. Особенная. Она поняла это сразу, как только пальцы коснулись камня. Этот камень был другим. Гладким. Тёплым. Живым. Как будто его касались тысячи рук - тысячи

пальцев, тысячи отчаянных попыток найти выход, тысячи последних вздохов. Ладонь провела по поверхности. Медленно. Осторожно. Чувствуя каждую трещину, каждую царапину, каждую неровность. И потом - почувствовались они. Имена. Выцарапанные в камне. Сотни. Тысячи. Миллионы. Детские имена. Взрослые имена. Имена, которые ничего не значили. Имена, которые значили всё. Имена тех, кто был здесь до неё. Имена тех, кто не вышел.

Колени опустились на камень. Пальцы провели по первому имени. «Аня». Маленькое. Кривое. Как будто его писали в спешке. Как будто его писали в страхе. Как будто его писали в темноте. Пальцы двинулись дальше. «Марк». «Лена». «Кай». «Мира». Знакомые имена. Незнакомые имена. Имена, которые слышались в Академии. Имена, которые никогда не слышались. Имена, которые были - и которых больше нет. Читались все. Каждое. Медленно. Тщательно. Как будто хотелось запомнить. Как будто хотелось сохранить. Как будто хотелось унести их с собой. Потому что если не запомнить - никто не запомнит. Если не сохранить - никто не сохранит. Если не унести - они останутся здесь. Навсегда. В темноте. В холоде. В смерти.

Лири сидела на коленях перед стеной. Долго. Очень долго. Слезы текли по щекам - тёплые, солёные, живые. Не вытирались. Не могло. Не хотелось. Потому что это было единственное, что можно было дать им. Единственное, что осталось. Единственное, что было настоящим. Плакалось. И чи-

талось. И запоминалось. Имена. Сотни имён. Тысячи имён. Миллионы имён. Детей. Таких же, как она. Таких же испуганных. Таких же потерянных. Таких же одиноких. Таких же - живых. И теперь - мёртвых. Просто мёртвых. Как все остальные. Как те, кто умрёт сегодня. Как те, кто умрёт завтра. Как она сама - может быть, через час, через минуту, через секунду.

Пальцы провели по последнему имени. Оно было свежим. Совсем свежим. Как будто его написали только что. Как будто его написали - для неё. «Лира». Её имя. На стене. Среди тысяч других. Кто-то - кто-то, кто был здесь до неё, кто-то, кто знал её, кто-то, кто ждал её, - написал её имя. Лира смотрела на него. Долго. Очень долго. Потом - рука протянулась. Нашёлся острый камень. И - выцарапалось рядом. Ещё одно имя. «Михель». Почему - не зналось. Зачем - не понималось. Но это сделалось. Потому что хотелось, чтобы он был здесь. С ней. На этой стене. Среди тех, кто жил. Среди тех, кто умер. Среди тех, кто - ждал.

Встала. Посмотрела на стену последний раз. На имена. На свою жизнь. На свою смерть. Потом отвернулась. Пошла дальше. В САД. В Лабиринт. В неизвестность. Не оглядывалась. Не могло. Не хотелось. Потому что если оглянуться - увидится то, что осталось позади. А видеть - не хотелось. Помнить - не хотелось. Знать - не хотелось. Просто шлось. Шаг за шагом. Медленно. Осторожно. Внимательно. Тенью. Призраком. Той, кого нет. Никем. И - собиралась выжить.

Что бы ни случилось. Что бы ни было впереди. Что бы ни ждало. Собиралась выжить. Потому что она - Лира. Дочь Элиаса. Сестра Михеля. Та, кто не сдаётся. Та, кто идёт до конца. Та, кто выживает - несмотря ни на что.

## ГЛАВА 4: МИРА

Мира нашлась у фонтана.

Того самого - с ангелом, который держал чашу. С водой, которая струилась вверх и падала вниз, разбиваясь на тысячи сверкающих брызг. С мраморными скамьями по краям. С цветами, которые росли вокруг - розы, лилии, пионы. С небом, которое отражалось в воде - голубым, чистым, бесконечным.

Лира увидела её издалека. Силуэт. Тонкий. Хрупкий. Знакомый. Слишком знакомый. Остановилась. Замерла. Сердце сжалось в груди - сильно, больно, неожиданно. Дыхание перехватило. Ноги на мгновение перестали слушаться. Потому что это была - она. Мира. Та, кого Лира знала с самого детства. Та, кого Лира любила больше всего на свете. Та, кто была её сестрой. Её семьёй. Её жизнью. Та, кого Лира потеряла. Та, кого Лира не надеялась увидеть снова. Та, кого Лира - нашла.

Мира сидела на мраморной скамье. Спиной к фонтану. Лицом к воде. Её белое платье - то самое платье, которое она всегда носила, которое всегда было чистым, которое всегда было светлым, - пропиталось кровью. Тёмное пятно распол-

залось по ткани - от груди, вниз, к животу, к коленям. Кровь была свежей. Ещё влажной. Ещё тёплой. Ещё живой. Мира была ранена. Сильно. Смертельно. Она сидела неподвижно. Смотрела на воду. Не двигалась. Не говорила. Просто - смотрела. Просто - ждала. Просто - была.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.